

Литература и ЖИЗНЬ

Орган правления Союза писателей РСФСР

№ 14 [284]

Год издания 2-й

Воскресенье, 31 января 1960 г.

Цена 40 коп.

ЗАМЕТКИ
ПИСАТЕЛЯ

ПО СНЕЖНОЙ СУРЕ

Павел ФЕДОРОВ

КАКТО вскоре после писательского съезда в одном из писем мой друг, мордовский поэт Н. Никул Эржай, приглашал меня в Мордовию. Он писал: «Я сейчас нахожусь на моей родной реке Суре. Водичка-то тут кристально-чистая, как слеза, а песочек-то ласковый, шелковый, а в лесу-то кружева малиновые. Стерлядь-то в Суре темно-синяя, как стрела остроносая, косит маленьким глазком, сама в рыбацкий котелок просится...»

Кого бы не увлекло такое письмо. И вот в начале декабря я приехал в Саранск. Клубы дымчатого пара Саранской ТЭЦ студий гридятиградусный мороз. Однако, несмотря на жгучий холод, мы с Никулом Эржаем на другой же день выехали в Кочкуровский район.

— А зачем, собственно говоря, мы туда едем? — спросил я у моего друга, когда машина уже медленно и неспешно скользила по обледенелому шоссе.

— Хочу показать тебе Суру в зимнем одеянии, — улыбнулся Никул Эржай.

И только когда мы подъезжали к Кочкурову, он признался, что везет меня к одному замечательному человеку — бывшему партизану из отряда Дмитрия Николаевича Медведева.

— Дело в том, — продолжал Никул Лазаревич, — что это один из лучших директоров школ в нашей республике. Кроме того, Серафим Гаврилович Афонкин сейчас написал воспоминания о героических партизанских делах. Республиканское издательство намерено выпустить эту книгу. Она очень интересна и во многом дополняет книги Медведева «Это было под Ровно» и «Сильные духом».

Серафим Гаврилович и его отец — невольский, крестьянский дед, с депюмером широкой, во всю грудь, седую бородой — встретили очень радушно. С русской печки нас обстреляли две пары любовных глазенок — мальчишки лет двенадцати и девятилетней девочки.

— Это наш патриарх, — дружелюбно здороваясь с дедом, шутили проговорил Эржай.

Ребятишки прыснули и начали гайнственно шептаться. Эржай с прибаутками оделял ребят подарками. Мальчишка, которого звали Борей, поглядывал на мое снаряжение для подледного лова. Он

почему-то решил, что я водолаз... Это его, видимо, очень заинтриговало.

— А у нас тоже своя техника есть! — слезая с печки, гордо заявил он.

— Это какая же?

— Школьный радиоузел, вот какая! — весело ответил Борис.

— А наш Борька в Сочи едет! — тоненьким голоском пропела с печи сестренка.

— Реvmатизм у меня, — солидно пояснил Борис.

— Это не сам он уезжает, а посылает его наша Советская ленинская власть. На два месяца Министерство здравоохранения республики путевку в Магистрату дало, — улыбнулся дед Гаврила и, помолчав, добавил: — Я, еще когда солдатом был в ту войну, речь Владимира Ильича слушал на Втором Всероссийском съезде Советов, а передних рядах сидел. Слушал и думал: быть внукам моим счастливыми. Видишь, не обманулся: в Сочи наш Борька едет, вот как!

Я слушал тихую, медлительную речь сдоборого солдата и думал, что вот едва успел я войти в этот светлый, уютный учительский дом, а уже как-то сама собой возникла радостная истина настоящего коммунистического преобразования мордовской деревни. Школьный радиоузел, сработанный руками учеников, двухмесячная путевка больному мальчику в сочинский санаторий, сдобородный дед — участник Второго съезда Советов, школа-одинадцатилетка для мордовских ребятишек, деды и прадеды которых до революции даже не имели своей письменности.

На следующий день мы решили с Эржаем двинуться в глубинку, до знаменитой Суры. Однако мороз был настолько силен, что машина не заводилась. Школьный поффер Алеша и исполкомовский — Прося поочередно крутили моими задубелыми руками заводную ручку, подогревали картер щипающей форсункой, но все было тщетно. Я уже готов был отказаться от поездки:

— Не мучайтесь, ребята, бесполезно...

— Такие парня — я чтобы не зашел! — крикнул Эржай. — Да они же богатырями родились!

Сначала я подумал, что это он сказал лишь, чтобы подзадорить пофферов. Но Эржай тут же мне рассказал, что в старое время в Мордовии существовал варварский обычай. Едва ребенок родился, как его заворачивали в тряпку, поливали квасом и парили в самой жаркой бане... Во время этой дикой процедуры новорожденному выправляли все суставчики. Выжидали только самые сильные — действительно богатыри, слабые же умирали там же, в бане. Поэтому смертность детей в дореволюционной Мордовии составляла шестьдесят процентов. Этот трудилюбивый и гордый народ постепенно вымирал.

Поездка по Кочкуровскому району нам не удалась. Мороз усилился до тридцати шести градусов. Вечером, отогреваясь около жаркой печки, слушали радио Саранска. Передавали заключительный хор из кантаты «Сказ о Мордовии» композитора Леонида Ивановича Воинова.

Надо честно признать, что до этого я не знал мордовских народных напевов. Впечатление от кантаты Воинова было очень сильным. Хор мощный, инструментовна великолеппа, музыка по-настоящему брала за сердце. О самом же композиторе я не имел ни малейшего понятия.

— Вот поедем и познакомимся. Леонид Иванович — мой большой друг, — помешивая кочержкой ярко горящие угли, сказал Эржай.

Через несколько дней мы были в Темникове. Народный артист МАССР Леонид Иванович Воинов живет очень уединенно, но полон энергии и сил. Он много работает над новыми произведениями, много читает. Воинов — не только композитор, он крупный педагог. И в то же время Воинов — пианист, скрипач и феноменальный виртуоз-балалаечник.

Музыкант Леонид Иванович поистине удивительный. Он играет на балалайке одухотворенно, отдаваясь музыке душой и сердцем. Ведя сольную партию, он гармонично сливает ее с общим оркестром. Его балалайка покоряет, зарует слушателя с первых же аккордов. Это воистину артистическое исполнение, музыкальный взлет!

(Окончание на 2-й стр.)